

Л. А. Гольшкина
Новосибирск, Россия

СИСТЕМА РИТОРИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ ТЕКСТОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена осмыслению в риторическом аспекте феномена текстообразования. Цель исследования состоит в системном описании реализованных в политической коммуникации риторических стратегий текстообразования на материале текста обращения Президента России к гражданам по вопросам пенсионной реформы. Система риторических стратегий задается риторическим канонам как технологией создания эффективного текста. Базовым методом исследования выступает риторическая реконструкция, позволяющая последовательно рассматривать в президентском обращении способы и средства актуализации инвентивной, диспозитивной и элокутивной стратегий, как создающие персуазивный эффект, так и снижающие его. Инвентивная стратегия инициирует текстообразование: ее реализация предполагает ментальную разработку предметного содержания текста, формирование его концепции. Диспозитивная стратегия связана с дальнейшей разработкой содержательно-смысловых компонентов текста и их упорядочением, результатом чего становится создание композиционно-аргументационной структуры текста. Элокутивная стратегия нацелена на селекцию и комбинацию языковых и речевых средств. В статье подробно описываются механизмы аргументации и средства выражения интерперсональных отношений, определяющие специфику исследуемого текста. В результате устанавливаются соответствия между определенной риторической стратегией и критериями эффективности текста, такими как актуальность, перформативность, персуазивность, которая основывается на аргументированности и диалогичности. Проведенный анализ выявляет функциональные возможности текста, позволяющие ему выступать в качестве действенного инструмента изменения действительности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: текстообразование; политическая риторика; риторические стратегии; политическая коммуникация; российские президенты; политическая речь; политический дискурс; языковая личность; теория аргументации.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Гольшкина Людмила Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры филологии, декан факультета повышения квалификации, Новосибирский государственный технический университет; 630073, Россия, Новосибирск, пр-т К. Маркса, 20; e-mail: ludmila200273@mail.ru; lag@fpk.nstu.ru

Описание реализованной в политической коммуникации системы риторических стратегий текстообразования, являющееся целью настоящей статьи, развивает продолжительную и актуальную в лингвистике и коммуникативистике практику изучения политического дискурса [Badaloni 1984; Benoit 2014; Bevitoni 2015; Coseriu 1987; Блакар 1987; Водак 1997; Гаврилова 2004; Дейк ван 2013; Серио 2002; Чудинов, Будаев и др. 2016; Шейгал 2004 и др.]. При этом избранный ракурс исследования проливает свет не столько на типологические и лингвоперсонологические особенности исследуемого феномена, сколько на механизмы построения текстов, обеспечивающих действенность и эффективность политической коммуникации, выступающих «инструментом социальной власти» (Р. Блакар).

Очевидно, что критерии эффективности коммуникативного взаимодействия определяются относительно цели того или иного типа дискурса. Так, В. З. Демьянков отмечает: «Общественное предназначение политического дискурса состоит в том, чтобы внушить адресатам — гражданам сообщества — необходимость „политически правильных“ действий и/или оценок. Иначе говоря, цель политического дискурса — не описать (то есть, не референция), а убедить, пробудив в адресате намерения...» [Демьянков 2002: 37].

Такая цель предписывает осознанное отношение как к отдельному коммуникативному действию, так и к коммуникативной практике в целом, требует риторического подхода к моделированию речевой коммуникации, поскольку «риторический взгляд...

усматривает в ней коммуникацию действенную, эффективную, оптимальную, целенаправленную, с осознанием говорящим собственной или партнера речекоммуникативной деятельности и ее продукта/объекта (текста)» [Земская, Качесова, Панченко, Чувакин 2000: 11]. Философия успешности, присущая риторике, определяет ее технологическое отношение к «производству текстов».

Представления о текстообразовании могут быть сформированы путем переосмысления идеи риторического канона — классической технологии создания текстов, отражающей универсальный идеоречевой цикл и фиксирующей базовые этапы «трансформации мысли в слово» — инвенцию, диспозицию и элокуцию [Безменова 1991; Ворожбитова 2005; Ключев 1999]. Следование риторическому канону трактуется как залог успешного построения текста, который, в свою очередь, способен достигать необходимого персуазивного эффекта.

А поскольку «порождение текстовой базы представляет собой стратегический процесс, совершаемый в оперативном режиме (on-line)» [Дейк ван 2015: 171], то считаем обоснованным связывать каждый этап текстообразования с актуализацией соответствующей риторической стратегии — инвентивной, диспозитивной и элокутивной.

Инвентивная стратегия инициирует текстообразование: ее реализация предполагает ментальную разработку предметного содержания текста, формирование его концепции, ориентированной на реализацию прагматических интенций субъекта речи.

Диспозитивная стратегия связана с дальнейшей разработкой содержательно-смысловых компонентов текста и их упорядочением, результатом чего становится создание композиционно-аргументационной структуры текста.

Элокутивная стратегия нацелена на селекцию и комбинацию языковых и речевых средств, которые в ситуации публичной коммуникации ясно, точно, доступно и выразительно эксплицируют замысел автора, а также устанавливают и поддерживают интерперсональные отношения.

Отметим, что структура разработанного в Античности риторического канона коррелирует с современными психолингвистическими концепциями продуцирования речи. Проведенные сопоставительно-аналитические процедуры [см. Голышкина 2017] позволяют скорректировать традиционные наименования риторических стратегий текстообразования: так, инвентивная есть мотивационно-побуждающая, диспозитивная — смыслоформирующая, элокутивная — стратегия словесного оформления (вербализации).

Исследовательская потребность в анализе риторических стратегий текстообразования сопряжена с необходимостью осмысления феномена так называемого эффективного, или риторического текста, когнитивно-коммуникативная природа которого программируется структурой коммуникативного акта [см. Голышкина 2015]. Способен ли текст выступать продуктивным инструментом изменения действительности при условии следования риторическим процедурам текстообразования? Обозначенная проблема требует риторической реконструкции на материале таких текстов, которые оказали очевидное влияние на определенную социально-историческую или социально-экономическую ситуацию.

Материал настоящего исследования подвигнул всколыхнувшей российское общество летом 2018 г. пенсионной реформой: им выступил текст Обращения Президента России В. В. Путина к гражданам от 29 августа 2018 г. [Путин 2018]. Известно, что появлению Обращения предшествовали широко обсуждаемые и в значительной степени негативно оцениваемые гражданами предлагаемые Правительством изменения в пенсионном законодательстве.

К выбранному формату прямого телеобращения к гражданам России, исключая традиционные новогодние, Президент в своей практике прибегает довольно редко — в тех случаях, когда надо продемонстрировать свое отношение к знаковым, а порой и трагическим событиям (например, штурм школы

в Беслане, захваченной террористами 1 сентября 2004 г.).

Естественно, что на Обращение отреагировали практически все действующие СМИ (от телеканалов до интернет-изданий): «Газета.ru», «РБК», «Lenta.ru», «Новая газета», «Коммерсантъ», «Garant.ru», «Ведомости», «Московский комсомолец», «Meduza.io», BBC, «Сноб» и многие другие.

Реакции как политиков и политологов, так и широкой общественности на сам акт обращения Президента оказались полярными: от «лапша на уши» до «смелый поступок» [Русская служба BBC NEWS]. В этой ситуации значима не только дифференциация оценки, но и сам факт коммуникационной активности населения: по сведениям газеты «Коммерсантъ», опирающейся на данные «Mediascope», 70 % из тех, кто смотрел телевизор 29 августа 2018 г., следили именно за выступлением первого лица государства [Корченкова, Миронова, Самохина 2018].

Таким образом, социально-экономический контекст определил общественную значимость интересующего нас в риторическом аспекте текста. Рассмотрим в свете вышеобозначенных проблем текстовой эффективности, может ли Обращение Президента России к гражданам от 29 августа 2018 г. иметь статус риторического текста, т. е. созданного по определенной технологии текстообразования, воплощающей систему соответствующих стратегий.

Инвентивная, или мотивационно-побуждающая стратегия

Инвентивная стратегия открывает текстообразование: здесь происходит оформление мотива и построение во внутренней речи концептуального сценария зарождающегося текста, осуществляется разработка его замысла. Иначе говоря, первый этап речемыслительного процесса направлен на построение образа результата действия [Залевская 2000: 216].

Предлагаемая реконструкция данной риторической стратегии связана: 1) с определением практической цели говорящего, в значительной степени отражающей представления о том результате, который субъект речи предполагает достичь в рамках того или иного типа социальной деятельности; 2) с позиционированием типа аудитории, которой адресован текст; 3) с выявлением триады «тема — проблема — тезис», обуславливающей диктумное содержание текста.

Так, практическая цель Президента, воплощенная в тексте анализируемого Обращения, очевидна: *реализовать в России*

пенсионную реформу. Однако такая цель не получает вербализации в тексте (что никак не является нарушением риторических требований), а вводится в него путем констатации задач, связанных между собой отношениями разъяснения: *Его* (законопроекта — Л. Г.) *главная, основная задача — обеспечить устойчивость и финансовую стабильность пенсионной системы на долгие годы вперед. А значит, не только сохранение, но и рост доходов, пенсий нынешних и будущих пенсионеров* [Путин 2018].

Однако далее следует логическое заключение, которое соотносится с поставленными задачами исключительно имплицитным способом и сигнализирует о несоблюдении закона достаточного основания: *Именно для достижения этих целей законопроектом наряду с другими мерами предусматривается постепенное повышение пенсионного возраста* [Там же]. Здесь для восстановления причинно-следственных связей необходима непростая ментальная работа граждан. Напрашивается заключение, что В. В. Путин позиционирует свою аудиторию, а именно граждан России, как подготовленную, хорошо разбирающуюся в тонкостях пенсионного законодательства и, соответственно, без труда восстанавливающую имплицитную информацию, что, к сожалению, не соответствует действительности.

Такие компоненты инвентивной организации текста, как тема и проблема, представлены во вступительной части Обращения и имеют, по сути, в смысловой структуре данного текста статус ключевых знаков: *изменения в пенсионной системе* (тема) и *повышение пенсионного возраста* (проблема). Эксплицитное воплощение в тексте темы и проблемы, несомненно, наделяет текст выраженной актуальностью, «привязывает» его к ситуации «здесь и сейчас», что, в свою очередь, подтверждается высокими рейтингами просмотра Обращения. Так, политолог А. Макаркин на страницах интернет-газеты «Коммерсантъ», указывая, что выступление Президента началось в 12 часов — не в прайм-тайм, замечает: «Это ситуация, когда люди включили телевизоры специально ради этого, из-за значимости темы» [Корченкова, Миронова, Самохина 2018].

Что касается тезиса, который представляет собой суждение (нередко ценностное), выступающее концептуальным стержнем риторического текста, выполняющим функцию сохранения его структурно-смыслового единства, то он оказывается невербализованным в исследуемом тексте.

Очевидно, что вербализация и публичное предъявление тезиса облегчают про-

цессы восприятия и понимания текста. Но главное, они не оставляют слушающему возможности альтернативного конструирования тезиса, отличного от исходного замысла продуцента.

Здесь можно было бы говорить об определенном риторическом недочете, но отсутствие обозначенного тезиса отчасти компенсируется речевым актом обращения, где говорящий субъективирует очевидную практическую цель акта коммуникации, делает текст личностно ориентированным, принимает «огонь на себя»: *...обращаюсь к вам напрямую, чтобы подробно рассказать обо всех аспектах изменений, предлагаемых Правительством, обозначить свою позицию и поделиться с вами своими предложениями, которые считаю принципиальными* [Путин 2018].

Кроме того, вербальное предъявление тезиса, который может быть реконструирован в виде суждения *Пенсионная реформа — назревшая необходимость в сложившихся в России экономических условиях*, не позволило бы говорящему реализовать интенцию смягчения ситуации, сделало бы текст более прямолинейным и категоричным.

Замещение тезиса речевым актом обращения позволяет говорить о перформативном характере прозвучавшего в эфире текста.

Осмысление перформативности текста было инициировано Ю. Хабермасом, который перенес принцип перформативности с отдельного высказывания на текст в целом, обосновав при этом понимание перформативности как способа существования индивидуальности в коммуникации, а перформатива как «заинтересованной саморепрезентации» [Хабермас 1989: 37], что актуально в первую очередь для политической практики.

Перформативность мы трактуем как равнозначность текста и действия в рамках конкретного типа социальной деятельности. Для продуцента важно первоочередное понимание реципиентом самого действия текста, а лишь затем того, о чем этот текст. Перформативность обеспечивает возможность вписать текст в действительность, сделать его частью реальности в статусе инструмента, управляющего коммуникативной ситуацией.

Сделанные наблюдения свидетельствуют о том, что реализация инвентивной стратегии наделяет текст актуальностью и перформативностью.

Диспозитивная, или смыслоформирующая стратегия

Сформированная в рамках инвентивной стратегии концепция текста требует своего дальнейшего содержательно-смыслового раз-

вития и организации в рамках действия диспозитивной стратегии, нацеленной на формирование структуры текста. Конструирование текстовой структуры позволяет субъекту речи эксплицировать необходимую коммуникативную цель, которая может быть собственнo убеждающей, информационной, протокольно-этикетной, развлекательной и т. п. Иначе говоря, диспозитивная стратегия диктует необходимость построения композиции текста, актуализирующей коммуникативные интенции говорящего.

Специфика текста риторического типа заключается в двуплановости его диспозитивной организации. С одной стороны, существуют традиционные требования к формальной организации такого текста: он должен иметь трехчастную композицию, включающую вступление, основную часть и заключение. Риторическая композиция отражает принцип объемно-прагматического членения текста, которое, согласно И. Р. Гальперину, учитывает объем части текста и установку на внимание читателя [Гальперин 2004: 52].

С другой стороны, текст риторического типа не мыслится без его аргументационной организации, которая как раз и демонстрирует пути смыслоформирования. Аргументация — интеллектуальная речевая деятельность, которая осуществляется через построение текста, адресованного некоторому лицу (или группе лиц) и имеет целью достичь принятия адресатом тезиса речи [Алексеев 2005: 448]. Аргументация зиждется на выдвигании тезиса, который делится в смысловой структуре текста на подтезисы-суждения разных уровней, вокруг которых, в свою очередь, формируются микросистемы аргументов, направленные на доказательство истинности тезиса.

Таким образом, этот этап риторической реконструкции предполагает: 1) определение коммуникативной цели говорящего; 2) выделение композиционных частей текста, определение их специфики и функционала; 3) анализ аргументационной организации текста в корреляции с его композиционным воплощением. Предложенная формализация указанных процедур не исключает их синтеза в практике аналитического описания.

Очевидно, что коммуникативная цель соотносится с практической целью субъекта речи и может быть квалифицирована как убеждающая. Необходимость утверждения в общественном сознании мысли об обоснованной неизбежности пенсионных изменений предъявляет к тексту требование быть воздействующим, или персуазивным. Именно этому требованию в первую оче-

редь и подчиняется моделирование структуры текста риторического типа. При этом персуазивность в рамках диспозитивной стратегии основывается на аргументированности.

В исследуемом тексте выявляется традиционная трехчастная композиция. При этом вступление и заключение лаконичны, а основная часть чрезвычайно развернута.

В качестве сверхфразовой единицы структурной организации основной части текста примем микротему — законченный по смыслу и структурно фрагмент речи, состоящий из отдельного суждения, полученного в результате деления тезиса и аргументов в его защиту [Анисимова 2003: 159].

Диспозитивная специфика Обращения к гражданам России по вопросам пенсионной реформы заключается в особом микротематическом моделировании, которое осуществляется в рамках двух методов изложения информации — хронологического и дедуктивного.

Хронологическое повествование позволяет говорящему рассмотреть проблему в исторической процессуальной последовательности: *...дискуссия о необходимости повышения пенсионного возраста началась не вдруг, не сегодня (подтезис-суждение). Об этом говорили и в советский период, и в 90-е годы. Но решения не принимались, по тем или иным причинам откладывались (аргумент 1). В начале двухтысячных годов и члены Правительства России, и многие представители экспертного сообщества вновь настойчиво стали ставить вопрос о пенсионной реформе и повышении пенсионного возраста (аргумент 2)* [Путин 2018].

Такой способ предъявления информации, опирающийся на исторические основания, вызывает, несомненно, доверие аудитории в силу кажущейся объективности аргументов, верифицировать которые может любой желающий путем обращения к историческому контексту.

Особый интерес в исследуемом тексте представляют микротемы, выражающие отношение Президента к обсуждаемой пенсионной реформе. Так, после достаточно обширного исторического экскурса в период дискуссий по поводу изменений в пенсионном законодательстве говорящий вводит наконец в структуру текста суждение *Но тогда, в 2000-х, я был против них (изменений в пенсионном законодательстве — Л. Г.)* [Там же], которое аргументирует путем апелляции к конкретному, имевшему не так давно в его жизни место событию: *Например, в 2005 году на одной из „Прямых линий“ прямо сказал, что до окончания срока моих*

президентских полномочий подобных изменений не будет (аргумент 1) [Там же]. Далее в хронологии представляемых аргументов появляется ссылка на условно называемый непрезидентский период: *В 2008 году, когда я оставил пост Президента России, базовые положения пенсионной системы полностью сохранились* (аргумент 2) [Там же].

Затем представленные аргументы усиливает авторский комментарий, субъективирующий фактуальную информацию модусным компонентом с включенным приемом апелляции к собственному авторитету, что повышает кредит доверия аудитории, влияет на формирование персуазивного эффекта: *И сейчас считаю, что на тот момент времени такая позиция с экономической точки зрения была обоснованной, а с социальной — абсолютно оправданной и справедливой. Убежден, повышать пенсионный возраст в начале и середине 2000-х было категорически нельзя* [Там же].

В исследуемом тексте хронологический принцип микротематического моделирования чаще всего связан с актуализацией такой аргументации, как сочинительная, которая, согласно типологии структур аргументации Ф. Снук Хенкеманс, представляет собой связанное рассуждение, когда каждый из приводимых аргументов непосредственно соотносится с исходной точкой зрения, все доводы взаимозависимы и только вместе эффективно поддерживают эту точку зрения [Снук Хенкеманс 2006: 123].

Другой принцип микротематического моделирования, представленный в тексте Обращения Президента к гражданам по вопросам пенсионной реформы, связан с реализацией дедуктивного метода, который направлен не столько на воспроизведение события, сколько на анализ сущности произошедшего или происходящего в направлении от общего к частному.

При этом в дедуктивно организованных компонентах текста выявляется любопытная тенденция к трансформации открывающего микротему суждения-подтезиса в проблемный вопрос: *...рассматривало ли Правительство какие-то другие варианты, другие резервы для обеспечения устойчивости пенсионной системы без повышения пенсионного возраста?* Далее вводится единственный аргумент с последующим умозаключением: *По моему поручению Правительство вплоть до последнего времени проводило эту работу. Все возможные альтернативные сценарии были тщательно изучены и просчитаны* (аргумент). *Оказалось, что, по сути, ничего кардинально они не решают* (вывод) [Путин 2018].

Очевидная неубедительность такой аргументации заставляет говорящего далее реализовывать микротемы, условно называемые нами «Альтернативное решение 1», «Альтернативное решение 2», «Альтернативное решение 3» и т. п., предлагающие варианты решения проблемы: *...вроде бы эффективная, кажущаяся справедливой мера — введение прогрессивной шкалы подоходного налога. По оценкам Минфина, применение повышенной ставки налога, к примеру, в 20 процентов к высоким доходам, может дать, и то не наверняка, порядка 75—120 миллиардов рублей в год. Этих средств в лучшем случае хватит на шесть дней. Потому что... ежедневная потребность на выплату пенсий в России составляет 20 миллиардов рублей.*

Другой вариант — продать часть госсобственности, например, как некоторые предлагают, все здания Пенсионного фонда, включая его региональные отделения. <...> Это тоже не выход.

Или предлагается обложить дополнительными налогами нефтегазовые компании, топливно-энергетический комплекс <...> [Там же].

В представлении альтернатив используются как аргументы традиционного типа (например, данные Минфина), так и гипотетические утверждения, которые по своей природе функционируют в умозаключении как посылки и обычно выражаются эксплицитно [Герритсен 2006: 79].

Концептуально-содержательной основой текста выступает микротематический блок, представляющий ряд мер, предлагаемых Президентом для смягчения предложений Правительства. Невозможность представить в формате статьи полное микротематическое описание этого блока компенсируем указанием его сверхфразовых составляющих: микротема 1 «Снижение предложенного для женщин пенсионного возраста», микротема 2 «Постепенность повышения пенсионного возраста», микротема 3 «Гарантии защиты граждан старших возрастов на рынке труда», микротема 4 «Учет особых условий жизни и труда людей», микротема 5 «Пенсионные преференции особым категориям граждан», микротема 6 «Сохранение федеральных льгот до выхода на пенсию по возрасту».

В структуре указанных микротем доминируют гипотетические утверждения, лишь претендующие на статус аргументации, основанной на авторитетном мнении первого лица страны. Учитывая отнесенность предлагаемых мер к плану будущего, В. В. Путин для создания «эффекта настоящего» прибе-

гает к использованию директивных речевых актов: *Предлагаю начать эти выплаты уже с 1 января 2019 года; ...поручаю Правительству утвердить для граждан предпенсионного возраста специальную программу по повышению квалификации* [Путин 2018].

Заключение текста предельно лаконично и может быть отнесено к суммирующему типу, подытоживающему вышесказанное: *Я предельно объективно, подробно и абсолютно искренне доложил вам о сегодняшнем состоянии и о предложениях по устойчивому развитию пенсионной системы в нашей стране.* Но при этом оно содержит и апеллирующий компонент, усиливающий воздействие на аудиторию: *Прошу вас отнестись к этому с пониманием* [Там же].

Сделанные наблюдения над диспозитивной организацией текста свидетельствуют о том, что реализация смыслоформирующей стратегии обеспечивает тексту персуазивные возможности в первую очередь за счет аргументации.

Элокутивная, или стратегия вербального оформления

Сформированная в рамках диспозитивной стратегии текстообразования композиционно-аргументационная структура текста требует своего развернутого вербального оформления. Элокутивная стратегия текстопостроения нацелена на отбор и комбинаторику языковых и речевых средств, которые способствуют достижению запланированного субъектом речи персуазивного эффекта. Воздействующий потенциал текста риторического типа обусловлен коммуникативными установками говорящего на публичность общения и создание эксплицитных интерперсональных отношений.

Не имея возможности в формате статьи описать весь арсенал языковых и речевых средств, использованных в тексте Обращения Президента к гражданам России от 29 августа 2018 г., рассмотрим релевантные для текста риторического типа средства интерперсонального взаимодействия, а именно авторизации и адресации.

Потребность Президента в демонстрации своей причастности к решению вопросов пенсионного законодательства, в выражении чувства личной ответственности эксплицируется средствами авторизации: предложениями с местоимениями 1-го лица единственного и множественного числа и соответствующими глагольными формами (я- и мы-высказываниями), где особую группу составляют перформативные высказывания; сложноподчиненными предложениями с изъяснительными придаточными, модальная

рамка которых выражает субъективно-модальное значение; средствами выражения эпистемической и деонтической модальности: *...тогда, в 2000-х, я был против них* (изменений в пенсионном законодательстве — Л. Г.). *Говорил об этом и на закрытых совещаниях, и публично; Убежден, повысить пенсионный возраст в начале и середине 2000-х было категорически нельзя; Знаю, что...; Хорошо понимаю, что...; Повторю, на протяжении многих лет я очень осторожно, а подчас даже с недоверием относился к любым предложениям по изменению пенсионной системы; Может быть, следует продолжить наращивать финансирование Пенсионного фонда?; Поддерживаю, безусловно, этот подход; ...предлагаю ряд мер, которые позволят максимально смягчить принимаемые решения; Обращаю внимание, механизм ежегодного увеличения пенсий должен быть заложен в законопроект по изменениям пенсионной системы;...мы должны предусмотреть право досрочного выхода на пенсию для многодетных матерей; ...мы обязаны сделать для них исключение...; ...поручаю Правительству предложить реальные стимулы для бизнеса; Я так не думаю* [Там же].

Особенностью авторизации в исследуемом тексте является доминирование определенно-личных предложений. Как отмечает Н. С. Валгина, употребление определенно-личных односоставных предложений придает повествованию большую динамичность, энергичность, делает его более лаконичным [Валгина 2003: 156], что расширяет спектр воздействующих возможностей текста.

Потребность говорящего в завоевании доверия аудитории требует использования средств адресации. Так, М. А. Кормилицына, рассматривая проблемы риторической организации речи, отмечает: «Хорошей может быть только речь, ориентированная на адресата, речь, в которой автор учитывает уровень культуры, знаний, интересов, социальный статус и другие качества адресата, вовлекает его в процесс общения, стремится достигнуть определенного (в подготовленной речи заранее запланированного) уровня воздействия на адресата. Адресат при этом (даже в монологической речи) становится существенным участником общения» [Кормилицына 2007: 211—212].

Это аксиоматическое по сути положение выступает своего рода коммуникативной нормой для Президента, реализующего жанр обращения к гражданам. В тексте можно найти обширный арсенал средств адресации: обращения к аудитории, вы-высказы-

вания, а также мы-высказывания, где личное местоимение выражает общенациональное «мы», побудительные конструкции, вопросы и вопросно-ответные комплексы, имитирующие диалог в монологической речи: **Уважаемые граждане России! Дорогие друзья!**; ...обращаюсь к вам напрямую...; **Могу вам сказать...**; **Что же изменилось за прошедшие годы? Мы не тратили времени зря. Мы, мы все — граждане, власть, страна — работали;**...**все мы не очень-то привыкли доверять статистике. Мы делаем выводы, как правило, из того, что сами видим в реальной жизни, вокруг себя; Но давайте посмотрим, какие у нас есть варианты; Ну посмотрите...**; **Смириться с низкими доходами пенсионеров и ждать, когда пенсионная система затрещит и окончательно развалится? Переложить непопулярные, но необходимые решения на плечи следующего поколения или, понимая, что ждет страну через 15—20 лет, учитывая реальную ситуацию, действовать?; А куда их снижать-то? Пенсии и так сегодня довольно скромные...** [Путин 2018].

Отметим, что вы-высказываний в Обращении немного. Но зато в тексте достаточно частотны мы-высказывания, в которых определение значения местоимения «мы» затруднено в силу неясности референциальной отнесенности индексального знака: **Конечно, нам еще очень многое нужно сделать; Но ведь мы знаем, что постепенно наступит время, когда для индексации пенсий у государства не будет хватать средств...**; ...**если мы сейчас проявим нерешительность, это может поставить под угрозу стабильность общества, а значит, и безопасность страны; Мы должны развиваться. Должны преодолеть бедность, обеспечить достойную жизнь для людей старшего поколения...** [Там же].

Возникает естественный вопрос: кто стоит за вышеприведенными «мы»? Здесь имеется в виду коллегиальное «мы», относящееся непосредственно к Президенту и Правительству, либо все-таки «мы» воплощает семантику единения нации в сложившихся экономических условиях? Из последнего следует, что ответственность за обеспечение достойной жизни должен взять на себя каждый гражданин. Такая референциальная «замутненность» снижает, на наш взгляд, персуазивные возможности текста.

В заключение текста средства выражения интерперсональных отношений в свете выполняемой ими апеллирующей функции высвечивают принцип диалогичности как условие успешности совместной деятельности Президента и граждан: **Еще раз под-**

черкну, нам предстоит принять трудное, непростое, но необходимое решение. Прошу вас отнестись к этому с пониманием [Там же].

Реализация элокутивной стратегии наделяет текст диалогичностью, без которой в условиях его публичного предъявления немислимо продуктивное коммуникативное взаимодействие.

Проведенный анализ текста Обращения Президента к гражданам от 29 августа 2018 г. свидетельствует о том, что последовательная риторическая реконструкция проливает свет на механизмы воплощения риторических стратегий в текстообразовании, выявляя как технологические соответствия, так и коммуникативно-речевые сбои и недочеты. Проведенный анализ выявил «зону риска» текстовой эффективности, в которую попали такие явления, как невербализация тезиса, частотность гипотетических утверждений в аргументации, размытость семантических границ мы-высказываний.

Таким образом, система риторических стратегий текстообразования задает критерии эффективности текста: актуальность, перформативность, персуазивность, которая основывается на аргументированности и диалогичности. Подчеркнем, что только системный принцип воплощения стратегий в практике текстообразования позволяет продуценту пройти весь технологический путь от формирования замысла текста до его осознанной вербализации, что, безусловно, выступает фактором эффективности текстовой деятельности.

Естественно, что эффективность текста как инструмента конструирования необходимой политической реальности не исчерпывается описанными риторическими параметрами, не может рассматриваться вне обширного социально-экономического и культурно-исторического контекста. Но тот факт, что, согласно сентябрьскому опросу «Левада-центра», доля россиян, желающих лично принять участие в массовых протестах против пенсионной реформы, сократилась с 53 % респондентов в августе до 35 % в сентябре [Мухаметшина, Дидковская 2018], свидетельствует так или иначе в пользу риторического подхода к созданию текстов политической коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А. П. Аргументация // Эффективная коммуникация: история, теория, практика : словарь-справочник / под ред. М. И. Панова. — М. : КРПА Олимп, 2005. С. 448—450.
2. Анисимова Т. В., Гимпельсон Е. Г. Современная деловая риторика. — М. ; Воронеж, 2004. 432 с.
3. Безменова Н. А. Очерки по теории и истории риторики. — М. : Наука, 1991. 215 с.

4. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М., 1987. С. 88—125.
5. Валгина Н. С. Современный русский язык: синтаксис : учеб. 4-е изд., испр. — М. : Высшая школа, 2003. 416 с.
6. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. — Волгоград : Перемена, 1997. 139 с.
7. Воровжитова А. А. Теория текста: антропоцентрическое направление : учеб. пособие. Изд. 2-е, испр. и доп. — М. : Высшая школа, 2005. 367 с.
8. Гаврилова М. В. Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В. В. Путина и Б. Н. Ельцина). — СПб. : Филологический фак. СПбГУ, 2004. 296 с.
9. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М. : Едиториал УРСС, 2004. 144 с.
10. Герритсен С. Невыраженные послышки // Важнейшие концепции теории аргументации. — СПб. : Филологический фак. СПбГУ, 2006. С. 64—98.
11. Голышкина Л. А. Об уровнях моделирования и стратегиях формирования риторического текста // Мир русского слова. 2017. № 1. С. 54—60.
12. Голышкина Л. А. Система типологических свойств риторического текста // Мир русского слова. 2015. № 3. С. 31—37.
13. Дейк ван Т. А. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. — М. : Либроком, 2013. 344 с.
14. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. Изд. 2-е. — М. : Ленанд, 2015. 320 с.
15. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. — М., 2002. № 3. С. 31—44.
16. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. — М. : РГГУ, 2000. 382 с.
17. Земская Ю. Н., Качесова И. Ю., Панченко Н. В., Чувакин А. А. Основы общей риторики : учеб. пособие. — Барнаул : Изд-во Алтайск. ун-та, 2000. 110 с.
18. Клоев Е. В. Риторика (Инвенция). Диспозиция. Элокуция. — М. : ПРИОР, 1999. 272 с.
19. Кормилицына М. А. Риторическая организация речи (адресованность речи) // Хорошая речь. — Саратов, 2001. С. 211—222.
20. Корченкова Н., Миронова К., Самохина С. Пенсионная реформа охватила аудиторию [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2018. 31 авг. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3727266>.
21. Мухаметшина Е., Дидковская А. Число желающих протестовать против пенсионной реформы резко снизилось [Электронный ресурс] // Ведомости. 2018. 27 сент. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/09/26/782135-protiv-pensionnoi-reformi>.
22. Путин В. В. Обращение Президента России В. В. Путина к гражданам [Электронный ресурс]. 2018. 29 авг. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58405>.
23. Русская служба BBC NEWS [Электронный ресурс] : Британская русскоязычная общественная служба новостей. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-45344716>.
24. Серню П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. — М. : Прогресс, 2002. С. 337—384.
25. Снук Хенкеманс А. Ф. Структуры аргументации // Важнейшие концепции теории аргументации. — СПб. : Филологический фак. СПбГУ, 2006. С. 123—161.
26. Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 35—40.
27. Чудинов А. П., Будаев Э. В., Дзюба Е. В., Кошкарлова Н. Н., Кондратьева О. Н., Никифорова М. В., Пирожкова И. С., Руженцева Н. Б., Солопова О. А. Теория и методика лингвистического анализа политического текста. — Екатеринбург, 2016. 303 с.
28. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М. : Гнозис, 2004. 326 с.
29. Badaloni N. Politica, persuasione, decisione // Linguaggio, persuasione, verita. — Padova : Cedam (Milani), 1984. P. 3—18.
30. Benoit W. A functional analysis of presidential television advertisements. — Lanham : Lexington Books, 2014. 284 p.
31. Bevitori C. Discursive Constructions of the Environment in Presidential Speeches 1960—2013: A Diachronic Corpus-Assisted Study // Corpora and Discourse Studies. — London : Palgrave MacMillan, 2015. P. 110—133.
32. Coseriu E. Lenguaje y politica // El lenguaje politico. — Madrid : Fundacion Friedrich Ebert, Instituto de Cooperacion Iberoamericana, 1987. P. 9—31.

L. A. Golyshkina
Novosibirsk, Russia

THE SYSTEM OF RHETORICAL STRATEGIES OF TEXT PRODUCTION AS A FACTOR OF EFFECTIVE POLITICAL COMMUNICATION

ABSTRACT. *The article discusses the phenomenon of text production in rhetorical aspect. The goal of this research is to describe rhetoric strategies of text production in political communication on the basis of Russian President's address to people about pension reform. The system of rhetoric strategies is based on rhetoric canon as a technology of a good text production. The basic method of this research is rhetoric reconstruction that allows to study one by one ways and means of inventive, dispositional and elocutive strategies in President's address, which can create persuasive effect or, on the contrary, reduce manipulative potential of a text. Inventive strategy initiates text production: its activation presupposes development of the content and conception in the mind of an author. Dispositional strategy is connected with the further development of content and meaning components of a text, with their arrangement, the result of which is compositional and argumentative structure of the text. Elocutive strategy is aimed at selection and combination of language and speech means. The article describes in detail the mechanisms of argumentation and means of expression of interpersonal relations that determine the specificity of the analyzed text. As a result it is possible to find correlations between a certain rhetoric strategy and criteria of text effectiveness such as urgency, performativity, persuasion which is based on argumentativeness and dialogic nature. The undertaken analysis revealed functional potential of a text that allows it to become a powerful tool to transform reality.*

KEYWORDS: *text production; political rhetoric; rhetoric strategies; political communication; Russian presidents; political speeches; political discourse; language persona; argumentation theory.*

ABOUT THE AUTHOR: *Golyshkina Lyudmila Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Philology, Dean of In-service Training Faculty, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia.*

REFERENCES

1. Alekseev A. P. Argumentatsiya // Effektivnaya kommunikatsiya: istoriya, teoriya, praktika : slovar'-spravochnik / pod red. M. I. Panova. — М. : KRPA Olimp, 2005. S. 448—450.
2. Anisimova T. V., Gimpel'son E. G. Sovremennaya delovaya ritorika. — М. ; Voronezh, 2004. 432 s.
3. Bezmenova N. A. Ocherki po teorii i istorii ritoriki. — М. : Nauka, 1991. 215 s.
4. Blakar R. M. Yazyk kak instrument sotsial'noy vlasti // Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeystviya. — М., 1987. S. 88—125.
5. Valgina N. S. Sovremennyy russkiy yazyk: sintaksis : ucheb. 4-e izd., ispr. — М. : Vysshaya shkola, 2003. 416 s.
6. Voda R. Yazyk. Diskurs. Politika. — Volgograd : Peremena, 1997. 139 s.

7. Vorozhbitova A. A. Teoriya teksta: antropotsentricheskoe napravlenie : ucheb. posobie. Izd. 2-e, ispr. i dop. — M. : Vysshaya shkola, 2005. 367 s.
8. Gavrilova M. V. Kognitivnye i ritoricheskie osnovy prezidentskoy rechi (na materiale vystupleniy V. V. Putina i B. N. El'tsina). — SPb. : Filologicheskii fak. SPbGU, 2004. 296 s.
9. Gal'perin I. R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya. — M. : Editorial URSS, 2004. 144 s.
10. Gerritsen S. Nevyrazhennye posylki // Vazhneyshie kontseptsii teorii argumentatsii. — SPb. : Filologicheskii fak. SPbGU, 2006. S. 64—98.
11. Golyshkina L. A. Ob urovnyakh modelirovaniya i strategiyakh formirovaniya ritoricheskogo teksta // Mir russkogo slova. 2017. № 1. S. 54—60.
12. Golyshkina L. A. Sistema tipologicheskikh svoystv ritoricheskogo teksta // Mir russkogo slova. 2015. № 3. S. 31—37.
13. Deyk van T. A. Diskurs i vlast'. Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii. — M. : Librokom, 2013. 344 s.
14. Deyk van T. A. Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya. Izd. 2-e. — M. : Lenand, 2015. 320 s.
15. Dem'yankov V. Z. Politicheskii diskurs kak predmet politologicheskoy filologii // Politicheskaya nauka. Politicheskii diskurs: istoriya i sovremennye issledovaniya. — M., 2002. № 3. S. 31—44.
16. Zalevskaya A. A. Vvedenie v psikholingvistiku. — M. : RGGU, 2000. 382 s.
17. Zemskaya Yu. N., Kachesova I. Yu., Panchenko N. V., Chuvakin A. A. Osnovy obshchey ritoriki : ucheb. posobie. — Barnaul : Izd-vo Altaysk. un-ta, 2000. 110 s.
18. Klyuev E. V. Ritorika (Inventsiya. Dispozitsiya. Elokutsiya). — M. : PRIOR, 1999. 272 s.
19. Kormilitsyna M. A. Ritoricheskaya organizatsiya rechi (adresovannost' rechi) // Khoroshaya rech'. — Saratov, 2001. S. 211—222.
20. Korchenkova N., Mironova K., Samokhina S. Pensionnaya reforma okhvatila auditoriyu [Elektronnyy resurs] // Kommersant". 2018. 31 avg. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3727266>.
21. Mukhametshina E., Didkovskaya A. Chislo zhelayushchikh protestovat' protiv pensionnoy reformy rezko snizilos' [Elektronnyy resurs] // Vedomosti. 2018. 27 sent. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/09/26/782135-protiv-pensionnoi-reformi>.
22. Putin V. V. Obrashcheniya Prezidenta Rossii V. V. Putina k grazhdanam [Elektronnyy resurs]. 2018. 29 avg. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58405>.
23. Russkaya sluzhba BBC NEWS [Elektronnyy resurs] : Britanskaya russkoyazychnaya obshchestvennaya sluzhba novostey. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-45344716>.
24. Serio P. Russkii yazyk i analiz sovetского politicheskogo diskursa: analiz nominalizatsiy // Kvadratura smysla: Frantsuzskaya shkola analiza diskursa. — M. : Progress, 2002. S. 337—384.
25. Snuk Khenkemans A. F. Struktury argumentatsii // Vazhneyshie kontseptsii teorii argumentatsii. — SPb. : Filologicheskii fak. SPbGU, 2006. S. 123—161.
26. Khabermas Yu. Ponyatie individual'nosti // Voprosy filosofii. 1989. № 2. S. 35—40.
27. Chudinov A. P., Budaev E. V., Dzyuba E. V., Koshkarova N. N., Kondrat'eva O. N., Nikiforova M. V., Pirozhkova I. S., Ruzhentseva N. B., Solopova O. A. Teoriya i metodika lingvisticheskogo analiza politicheskogo teksta. — Ekaterinburg, 2016. 303 s.
28. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. — M. : Gnozis, 2004. 326 s.
29. Badaloni N. Politica, persuasione, decisione // Linguaggio, persuasione, verita. — Padova : Cedam (Milani), 1984. P. 3—18.
30. Benoit W. A functional analysis of presidential television advertisements. — Lanham : Lexington Books, 2014. 284 p.
31. Bevitori C. Discursive Constructions of the Environment in Presidential Speeches 1960—2013: A Diachronic Corpus-Assisted Study // Corpora and Discourse Studies. — London : Palgrave MacMillan, 2015. P. 110—133.
32. Coseriu E. Lenguaje y politica // El lenguaje politico. — Madrid : Fundacion Friedrich Ebert, Instituto de Cooperacion Iberoamericana, 1987. P. 9—31.